

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В.А. Маслова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»*

В статье выявляются основные проблемы поэтического языка, делается проекция на обыденный язык. Мир, создаваемый поэтическим словом, – это мир сложных соотношений, взаимодействий и связей. По сути, это другой, сотворенный поэтом мир. Единицы языка, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными культурой вообще, текстовыми характеристиками, интертекстуальными связями, замыслом автора и т.д. При этом они обрастают совершенно новым, невозможным для обыденного языка смыслом. Эти смыслы требуют толкования и самим читателем, и исследователем поэзии.

Ключевые слова: возможная реальность, антиреальность, новая реальность, виртуальная реальность, культура, интертекстуальность.

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN POETRY RESEARCH

V.A. Maslova

*Vitebsk State P.M. Masherow University,
Vitebsk branch of the International University "MITSO"*

The article identifies the main problems of poetic language and makes a projection into everyday language. The world created by the poetic word is a world of complex relationships, interactions and connections. In fact, this is a different world created by the poet. Units of language, occurring in a poetic text, not only obey aesthetic laws, but they are conditioned by culture in general, textual characteristics, intertextual connections, the author's intention, etc. At the same time, they acquire a completely new meaning, impossible for ordinary language. These meanings require interpretation by both the reader and the researcher of poetry.

Keywords: possible reality, antireality, new reality, virtual reality, culture, intertextuality.

Актуальные проблемы исследования русской поэзии – это одновременно и актуальные проблемы современной лингвистики. Как сказал Р.О. Якобсон: «Сущность языка проявляется только в поэзии».

Одной из особенностей мира, который очень быстро ускоряется (на жизни одного поколения пришли такие технологии, о которых мое поколение, например, даже и не подозревало). Для нас важно, что произошло расчленение объективной реальности, чем объясняется появление в современном языке и в общении людей таких выражений, как *разновидность реальностей, альтернативная реальность, возможная реальность, антиреальность, новая реальность, другая реальность* и др.

Понятие реальности активно развивается в философии, но, как известно, поэзия и философия – две сестры в миропознании. Эти дискурсы имеют следующие сходства: а) авторефлексивности, б) слабая эксплицируемость, в) = обилие глубинной информации, г) суггестивность, д) антиавтоматизм восприятия, е) обращенность (к миру, Богу, людям) и др.

В наше время важным качеством поэзии стало создание в ней новой реальности – некоего нового модуса существования поэзии, возникает один из возможных поэтических миров, правда, далеко не лучший, который можно считать не-поэзией:

*Не жалею, не зову, не плачу...
Не курю, не пью, не матерюсь...
Не коплю на чёрный день, не трачу,
Не переадаю, не колюсь..
Не жалею и не сожалею,
Не хитрей других и не глупей...
Не грущу, в друзья не набиваюсь,
Не боюсь несмелость показать...
Не ПРИНЦЕССА-ль я, ядрёна мать?!!!*

Понимая культуру (вслед за М.Ю.Лотманом) как текст, а точнее, совокупность текстов, мы считаем, что современная поэзия не может быть рассмотрена вне культуры, ее традиций, хотя она не похожа не только на традиционную культуру, но и на культуру вообще. Через эту поэзию все же слышна негромкая музыка здравого смысла. Исследователь не может делать вид, что ее нет.

*Опять чешу на каблуках,
По льду и утренней пороше!
Блин... Жесть!!! А вы хотели как?*

А вдруг судьба... а я в галошах!!!

Такой не-поэзией полон Интернет, стихи в песнях, хотя песен у нас стало в разы больше, но настоящей поэзии в песнях почти нет.

*Когда жена поёт,
Я у окна стою:
Пусть видит весь народ,
Что я её не бью.*

Едва ли можно такие тексты назвать поэзией, хотя в них встречается и языковая игра, и интертекстуальность и другие приемы из настоящей поэзии. Но нет глубины, нет философии, нет тайны, которая приоткрывала бы дверь для познания человеком самого себя. В такой не-поэзии мы видим потрясающую примитивизацию структуры и композиции. Не случайно широко распространены двауститья, одностишья, например, Леонида Либкинда: *Делился радостью охотней чем деньгами; С пустой башкой идти по жизни легче.* Но особое беспокойство вызывает примитивизация языка, обилие клише и штампов, интертекстуальность, постоянные аллюзии с известными классическими текстами. Например, в сетевых малых жанровых формах (пирожках, порошках и др.), написанных на злобу дня, можно обнаружить такие приемы: *ты не огорчайся / если не привит / всем поможет добрый /доктор айковид (Миша Латин).* Здесь намек на Доктора Айболита и сакразм по поводу того, что никто не поможет, независимо от того, привит ты или же нет. Традиционно под интертекстуальностью понимается диалогическое взаимодействие текстов в процессе функционирования, что обеспечивает приращение смысла. А в этой новой поэзии это, скорее, аллюзии, которые лишь в редчайших случаях дают приращение смысла. Зато эти стихи почти всегда сопровождается особой литературной позой, вызовом.

Корни всего этого - в поэзии прошлого века, так в 90-е годы ведущими направлениями становятся концептуализм, ироническая поэзия, метареализм. Для каждой из них характерны свои средства и приемы выражения художественного образа, свои тропы и поэтические фигуры, хотя есть приемы, присущие им всем. Рассмотрим несколько примеров из литературного течения «митьки»:

А тебе (пусть злится вьюга)/ В белом венчике из роз,/ В сладком сне, моя подруга,/ Да привидится Христос! (1976) (Владлен Гаврильчик. Изделия духа. СПб., 1995). Из этого же сборника: Папа – клоун, мама – клоун. // Как я ими очарован (1983).

В первом стихотворении видим прямое подражание А. Блоку, рассчитанное не на глубину миропознания, а на эстетику узнавания. Такие стихи могут ответить лишь на следующий вопрос: «А является ли каша в голове пищей для ума?».

Все это уже было в русской поэзии XX века. В своей статье «Аполлон в перепалке», вошедшей в книгу «Сдвигология русского стиха (Трактат обижальный и поучальный)», В. Крученых приводит примеры «рисунков слов»: мочедан (чемодан), шрамное лицо, мрачъя физиономия, брeндень (бред, дребень, раздробленный день)» и др.

Примеры подобной словесной вязи (по определению А.Е. Крученых – сдвигов) довольно широко быстро привились на почве русского авангарда. В них наложение друг на друга нескольких сем в результате помогает появлению нового смысла, получаемого на основе интерференции значений. Его зыбкие и неуловимые очертания ведут в область ирреальных представлений» [1, с. 420]. Но во всех этих случаях формируется **умозрительная, а не и образная модель реальности.**

Василий Каменский выделяет слоги, принадлежащие сразу двум словам, заглавными буквами:

РыбаКИдали
сетИЗлодок –
сетИЗлодок
рыбаКИдали

Вилен Барский в своем стихотворении «ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО» создает из набора букв первой фразы множество новых правильных и неправильных грамматически фраз, которые совершенно лишено смысла с точки зрения здравого смысла и коммуникации.

ВНАЧАЛЕБЫЛОСЛОВО
НАЧАЛОБЫЛОВСЛОВЕ
БЫЛВСЛОВЕОНАЧАЛО
ОСЛОВЕЛОВБЫНАЧАЛ
ВЛЕСБЫНАЧАЛОЛОВА
ОЛОВБЫЛОСВНАЧАЛЕ
ВЛОВВЛЫСОЕНАЧАЛО
ОБЫЛОВЧАНВОЛАСЕЛ
ВОЛЫСОНЛОВЧЕБАЛА
АСОНВОЛАБЫЛЛОВЧЕ
ОСВЛАЧАОНЛЕВБЫЛ
АЛОВЧЕБЫСЛОНАЛОВ
НЕЧАЛВОЛАБЫВОЛОС
АВАЛВЧЕЛОБЫСОЛОН
ОНВЫЛВЧАСЛБАООЛЕ
АЛОНОЕЛВЧАСВОБЛЫ

Если первая фраза данного текста сразу отсылает адресата к Библии, к вопросу о происхождении всего сущего, далее читатель уже перестает понимать смысл, а в сильной позиции текста возникает абсолютно деструктивная фраза: «Он был в час лба о Оле, а лоно ел в час воблы».

Далее в истории поэзии идут графолексические рисунки А. Вознесенского, в которых один смысл он дополняет другим, третьим, четвертым. Так автор реализует мысль, что все в мире взаимосвязано. Таких видеом много у Андрея Вознесенского в сборнике «Casino “Россия”» 1997 года. Графически они могут быть оформлены по-разному: в виде спирали, каски или сердца.

Любая культура создает свой мир, в котором каждый предмет имеет свои культурные смыслы. Обозначая мир, слово как бы творит его. Дать имя вещи значит сотворить мир вокруг себя. Источником лингвокреативной энергии является «дух народа». Поэт, называя мир, борется с хаосом. Сила поэтического слова заключается в слиянии смысловой, звуковой, культурной энергий. Даже наш обыденный язык хранит эту информацию: слова *искрометность, одухотворенность, теплые слова, слово излучает свет, в слове бьется жизнь, слово – молния* и т.д.

В поэтическом же слове есть сочетание разных векторов, т.к. дело не только в языке, но и в самом поэте, степени мистичности его души. Вероятно, не только сознание, и но бессознательное структурировано как язык, т.е. функционирует оно не на символическом и не на инстинктивном уровне, а на уровне языка. Поэтическое слово имеет огромную власть над человеком. Эта власть сродни магической власти. «Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве», считает Н. Бердяев [2, с. 301]. Не случайно В.П. Григорьев, называл поэзию **эстетико-эвристическим измерением языка** [3]. Не только создание, но и восприятие поэзии – эвристический процесс. Только подготовленный читатель за темнотой смысла увидит ее глубинный пласт, и все это происходит благодаря языку поэта – страстной, сбивчивой поэтической импровизации.

«Чем сложнее мысль, тем больше требуется умения для извлечения ее из форм языка» (Л.В.Щерба).

Поэзия – это одна из форм существования культуры, т.к. поэтический язык становится системой воплощения культурных ценностей. А ценность, по мнению Н.А.Бердяева, служит основой и фундаментом всякой культуры. Кроме того, любая культура – это совокупность текстов (в широком семиотическом смысле).

Выводы. Итак, наш обыденный язык живет по правилам, которые допускают недозволенные ходы, нерегламентированные правилами: Но не любые ходы допустимы. А в поэзии? Здесь все истинно великое рождается не по правилам. Альфред Шнитке: «Для образования жемчужины в раковине, лежащей в океане, нужна песчинка – что-то «неправильное», инородное».

Методологической базой любого современного исследования должно стать положение о тесной связи и взаимообусловленности языковых, когнитивных и культурных процессов. Мир, создаваемый поэтическим словом, – это мир сложных соотношений, взаимодействий и связей. Основатель философской эстетики Александр Баумgarten назвал произведение искусства «гетерокосмосом», т.е. другим, сотворенным миром. Языковые единицы, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными культурой вообще, текстовыми характеристиками, ин-тертекстуальными связями, замыслом автора и т.д. При этом они обрастают совершенно новым, невозможным для обыденного языка смыслом. Они доступны толкованию, а слова обыденного языка этого не требуют, если только ими не занимается лингвист.

Список источников:

1. Васильев, Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики / Л. М. Васильев. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – 520 с.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея / под ред. М. А. Блюмеркранца. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 358 с.
3. Григорьев, В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта / отв. ред. А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1986. – 255 с.

References:

1. Vasil'ev, L. M. (2006). Teoreticheskie problemy obshhej lingvistiki, slavistiki, rusistiki [Theoretical problems of general linguistics, Slavic studies, Russian studies]. – Ufa: BashGU Publ. (In Russ.).
2. Berdjaev, N. A. (2004). Russkaja ideja [Russian idea]. Ed. M.A. Blumerkranz.– Moscow: Publishing House AST. (In Russ.).
3. Grigor'ev, V. P. (1986). Slovtvorchestvo i smezhnye problemy jazyka pojeta [Word creation and related problems of the poet's language]. Ed. A. D. Grigorieva. – Moscow: Nauka. (In Russ.).